

[На главную Библиотека](#)

Владимир Кофман.

Цусима: анализ против мифов.

Прошло уже 85 лет с того весеннего дня 14 мая 1905 года, когда произошло морское сражение, название которого стало с тех пор синонимом разгрома – Цусима. Эта битва была последним штрихом в неудачной русско-японской войне, сделав победу России в ней практически невозможной. Много можно говорить о причинах и последствиях Цусимского сражения. Не ставя таких задач в краткой работе, попытаемся все же разобраться в том, что, как и почему происходило 14 мая 1905 года в Корейском проливе.

Введение: историография.

Интерес к этому сражению по-прежнему велик, это и неудивительно, поскольку Цусима занимает в военно-морской истории видное место. Единственное генеральное сражение эпохи расцвета додредноутного броненосного флота по своей решительности и результатам привлекает внимание многих писателей и исследователей. Зарубежные специалисты считают, что по количеству посвященной ему литературы, сражение в Корейском проливе занимает второе место после Ютландского боя.

Однако количество не всегда обеспечивает достаточное качество, и история исследования Цусимы – яркий пример. Этому есть вполне объективные обстоятельства. Естественно, что основную массу литературы по любому сражению составляют сами бывшие противники: часто только они имеют доступ к свидетельствам очевидцев, официальным отчетам и т.п. Безусловно, "заинтересованные стороны" редко бывают до конца объективны, но положение, сложившееся с русско-японской войной, поистине уникально. Оба участника боя менее всего были заинтересованы в установлении истины. Японцы провели всю войну под завесой тайны и отнюдь не хотели, чтобы их опытом воспользовался кто-либо, даже ближайшие союзники – англичане. Русская сторона поступила не лучше, предавшись безудержной критике всего, что было связано с флотом – людей, кораблей, артиллерии... Наиболее интересные материалы были собраны британскими наблюдателями, находившимися при эскадре Того, лично наблюдавшими сражение и имевшими доступ к японским материалам. Но доклад английского военно-морского атташе Пэкинхэма так и не был опубликован в открытой печати, оставшись достоянием узких кругов Адмиралтейства. Работы французских и немецких историков, часто небезыңтересные по своим выводам, сугубо вторичны по исходным материалам.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что в качестве исходного фактического материала используют обычно очень узкий набор литературы. В первую очередь это официальные японская и русская история войны на море. "Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мэйдзи" представляет собой отличный образчик японского подхода к истории. Книга видимо не содержит специально сделанных искажений. В ней имеется безусловно уникальный материал, описывающий все передвижения японского флота до, в ходе и после сражения, один взгляд на который вызывает огромное уважение к активности флота "страны восходящего солнца" и интенсивности использования его кораблей. Но тщетно пытаться найти в этом четырехтомном издании хотя бы следы анализа боевых действий. Очень немногословным является и само описание Цусимского боя.

Отечественная официальная история действий на море в русско-японской войне, выходявшая в течение почти 10 лет, к моменту появления томов, посвященных походу эскадры Рожественского и сражению в Корейском проливе, окончательно "выдохлась". Описание сражения в достаточной мере поверхностно, анализ действий сторон отсутствует, а вся информация, относящаяся к противнику, просто переписана из японского "Описания..." – большими блоками и без комментариев. Вообще в русской официальной истории заметно желание как можно скорее миновать эту мрачную страницу, не вдаваясь в излишние подробности и размышления.

Из "неофициальных" работ главное место занимают три книги: "Цусима" А.С. Новикова-Прибоя, "На "Орле" в Цусиме" В.П. Костенко и "Цусимский бой" из трилогии "Расплата" капитана 2-го ранга В.И. Семенова. Документальный роман бывшего баталера "Орла" стал книгой для миллионов. Судьба не одного будущего историка флота определилась еще в детстве, после прочтения "Цусимы". Но по подбору материала книга Новикова-Прибоя очень вторична и представляет собой по сути дела беллетризованную компиляцию известных мемуаров, главное место среди которых занимают воспоминания Костенко.

"На "Орле" в Цусиме" – наиболее интересный из этих неофициальных источников. Костенко был одним из немногих "чистых наблюдателей" с русской стороны и, может быть, единственным вполне квалифицированным. Но не следует и переоценивать достоверность приведенного им описания самого боя, и в особенности – повреждений "Орла". Еще совсем молодой человек и отнюдь не специалист в артиллерии, он по вполне понятным причинам допустил немало ошибок в оценке действия снарядов противника, впервые попав в бой, и какой бой!

Наконец, "официальный историк" 2-й Тихоокеанской эскадры, капитан 2-го ранга Семенов, оказался куда более эмоциональным свидетелем, чем корабельный инженер Костенко. В "Расплате" много восклицаний, изрядное количество рассуждений, но совсем немного фактов. Выставляемый обычно в качестве "адвоката" своего "патрона" – адмирала Рожественского, Семенов не слишком удачно справился со своей задачей.

Только в последнее время появились несколько работ, посвященных анализу Цусимского боя, но, увы – за рубежом. В них более полно отражены действия японской эскадры, но в отборе фактов о действиях русских у иностранных авторов возникли определенные трудности, что немудрено. Наиболее интересным является их подход к поражению Рожественского – не в пример более мягкий и сочувственный, чем в отечественной литературе.

Действительно, с легкой руки "критиков самодержавия" история Цусимы подается всегда в исключительно мрачном и сугубо обвинительном духе. На

"скамье подсудимых", в зависимости от направлений мысли авторов, а иногда и "социального заказа", побывали все: и государственное руководство России, и командующий эскадрой, и его офицеры, в особенности артиллеристы, и неодолеваемые участники Цусимы – русские орудия, снаряды и корабли.

Попробуем последовательно рассмотреть многочисленные причины, действительные и мнимые, которые привели русскую эскадру на дно Корейского пролива – после почти кругосветного многомесячного перехода.

Стратегия: поход 2-й эскадры.

Обреченность похода эскадры Рождественского совершенно очевидна. Однако прежде чем еще раз обвинить руководство России в несчастьях этой войны, необходимо вспомнить все стратегические реалии.

Противоборство России и Японии на Дальнем Востоке оказалось в значительной мере "делом морским". Войска микадо, высадившиеся в Корею и Маньчжурии, полностью зависели от надежности морских коммуникаций с метрополией. Да и сама высадка вряд ли могла состояться при господстве русского флота, да и просто при более активных действиях Порт-Артурской эскадры. Но даже когда "поезд уже ушел", и экспедиционный корпус двинулся по просторам Маньчжурии – к Порт-Артуру и навстречу главным силам русской армии, захват пути его снабжения мог бы оказать влияние на весь ход войны, поэтому решение направить на помощь блокированной в своей базе 1-й Тихоокеанской эскадре силы Рождественского (первоначально включавшие только новые броненосцы и крейсера) было не только не бессмысленным, но и единственно возможным активным шагом. Соединившись, русские эскадры имели бы весьма заметное превосходство над японцами, которое отчасти компенсировало бы неудобство стратегического положения.

А неудобство было поистине чудовищным. Две русские базы – Владивосток и Порт-Артур – разделяли 1045 миль. Реально флот мог базироваться только на один из этих пунктов. Но Порт-Артур "заперт" в глубине Печилийского залива, а Владивосток замерзает на 3.5 месяца в году. Ремонтные возможности обоих портов стояли друг друга, а именно – практически отсутствовали. В таких условиях только большое преимущество в силах давало шансы на успех активных действий.

Как только пал Порт-Артур и погибли корабли 1-й эскадры, стратегическое положение русских военно-морских сил на Дальнем Востоке стало безнадежным. Все темпы были потеряны. Постоянные задержки эскадры Рождественского привели к тому, что японские корабли исправили все повреждения, а русские постепенно теряли боеспособность в изнурительном тропическом плавании. В таком положении требовалось смелое стратегическое и политическое решение, но... его не было. Правительство и военно-морское командование России попало в своеобразное положение, именуемое в шахматах "цугцванг" – вынужденная последовательность ходов.

Действительно, отозвать 2-ю Тихоокеанскую эскадру с половины пути означало не только признать свою военную слабость, но и потерпеть крупное политическое поражение, а главное – полностью отказаться от попытки быстро выиграть войну, перерезав коммуникации Японии с Кореей. Но и продолжение похода столь же последовательно вело к проигрышу. Даже если кораблям Рождественского удалось бы благополучно миновать Цусимскую западню, их будущее выглядело бы безнадежным. Действовать из удаленного от японских коммуникаций Владивостока в составе эскадры было бы почти невозможно. Владивосток легко блокировался минами. Кроме того, одного-двух дозорных крейсеров японского флота хватало для того, чтобы вовремя предупредить Того о выходе русских, так что единственное, что мог бы предпринять благополучно пришедший в него Рождественский – выбрать для сражения с японским флотом другой день и другое место.

Неоднократно высказывались предположения о том, что командующий русской эскадрой мог "обойти" японские силы, попытавшись проникнуть во Владивосток не прямым путем через Корейский пролив, а пройдя вдоль восточного побережья Японии, через Сангарский пролив или пролив Лаперуза. Надуманность подобных "рассуждений" совершенно очевидна. Реальная дальность плавания русских броненосцев (с учетом количества угля и состояния машинных команд) составляла примерно 2500 миль (по данным Костенко). Это означает, что потребовалась бы не одна погрузка угля в открытом море, и не в ласковых тропических широтах, а в холодном весеннем Тихом океане. Кроме того, шансов пройти незамеченной у столь большой и медлительной эскадры вдоль всего побережья Японии практически не было. Походы Владивостокского крейсерского отряда показывают, насколько интенсивным было судоходство у ее восточного побережья. А для полного раскрытия подобной авантюры было достаточно одного нейтрального парохода, который нельзя было бы ни потопить, ни заставить промолчать. Дальнейшие "ходы" Того мог рассчитать с большой точностью, и в результате русская эскадра была бы вынуждена принять бой уже в совсем невыгодных условиях северных широт, с высокой вероятностью принять бой во время погрузки угля или при недостаточном его запасе.

Немалые трудности предстояли бы и при одной только попытке пройти северными проливами – даже без противодействия противника. Три крейсера Владивостокской эскадры провели неприятные дни, когда не могли войти в пролив Лаперуза из-за густого тумана. В конце концов контр-адмирал Иессен был вынужден принять решение идти к Сангарскому проливу. Русские крейсера все же благополучно добрались до Владивостока на остатках топлива. Нетрудно представить, что произошло бы с огромной, неповоротливой эскадрой Рождественского при подобных действиях! Вполне возможно, что некоторые из ее кораблей постигла бы участь севшего на медь "Богатыря", но не вблизи своих берегов, а прямо в "логове японского тигра". По меньшей мере можно было ожидать полного расстройтва эскадры.

Но даже если предположить почти невероятное, что русская эскадра пробралась незамеченной вдоль всей Японии, то проход через любой из проливов не мог остаться в тайне. Если бы Рождественский благополучно форсировал Лаперузов или Сангарский пролив, это отнюдь не избавляло его от сражения. Слишком малая крейсерская скорость русской эскадры обрекала ее на перехват японцами задолго до Владивостока (расстояние от Владивостока до пролива Лаперуза – 500 миль, до Сангарского пролива – 400 миль, до стоянки Того у южной оконечности Кореи или до Сасебо – 550 миль; крейсерская скорость кораблей Рождественского – 8-9 узлов, японского флота – не менее 10-12 узлов). Конечно, бой произошел бы гораздо ближе к русской базе, в нем возможно не смогли бы принять участие малые японские миноносцы, но на пути к столь сомнительному благополучному исходу было множество подводных камней – в прямом и переносном смысле.

Наконец, как отмечалось уже выше, даже благополучный приход эскадры во Владивосток в целости и сохранности мало что давал для достижения успеха

в войне. Редкий и показательный случай стратегической безысходности!

Тактика: организация прорыва.

Если стратегические неудачи похода 2-й Тихоокеанской эскадры обычно списываются на бесформенную, плохо работающую "военную и политическую машину царизма", то ответственность за тактическое решение Цусимского боя безусловно несет командующий русской эскадрой – вице-адмирал Зиновий Петрович Рожественский.

Упреков в его адрес более чем достаточно. Если их кратко суммировать, то можно выделить следующие основные варианты "возможной причины" тактического поражения русских сил:

- 1) Рожественский выбрал неправильное время прохода через Корейский пролив, поскольку в самом узком его месте русская эскадра оказалась в середине дня, критикуется также приказ "не мешать японским радиопереговорам";
- 2) он избрал для построения эскадры крайне негибкий и неповоротливый строй единой кильватерной колонны, не выделив в отдельный отряд четыре новейших броненосца и "Ослябя";
- 3) распоряжения Рожественского на бой минимальны, он полностью сковал активность младших флагманов и никого не посвятил в свои планы – в результате после выхода из строя "Суворова" и ранения командующего русская эскадра не управлялась;
- 4) русский командующий упустил решающий момент в самой завязке боя, не "бросившись" на вдвоенный строй японских кораблей при рискованном повороте Того, и вообще вел себя крайне пассивно.

Нетрудно парировать первый из упреков. Вряд ли Рожественский, как и любой другой здравомыслящий моряк, мог рассчитывать на то, что его "армада" сможет пройти неширокий пролив незамеченной – днем или ночью. Если бы он избрал для форсирования узости темное время суток, то все равно был бы обнаружен двумя японскими дозорными линиями, выдвинутыми вперед, и был бы атакован ночью миноносцами. В таком случае артиллерийский бой состоялся бы на следующее утро, но силы русской эскадры могли быть к этому времени ослаблены одним или несколькими торпедными попаданиями.

Очевидно японцы рассчитывали именно на такой образ действий русского адмирала, так как ему едва не удалось обмануть их. Обе дозорные линии японских вспомогательных крейсеров были пройдены как раз в темноте, и если бы не более или менее случайное обнаружение несшего все отличительные огни госпитального "Орла", то Рожественский мог бы благополучно миновать их. Такое расположение дозоров впоследствии подвергалось жесткой критике известного английского военно-морского историка Джулиана Корбетта. Впрочем, это не позволило бы русской эскадре избежать утреннего обнаружения легкими крейсерами третьей линии, но, возможно, несколько отсрочило бы начало сражения, которое пришлось бы на вечер, а за ним последовала бы спасительная ночь...

Существует и второе соображение, тесно связанное с двумя другими упреками в адрес Рожественского. И нежелание проходить опасное место ночью, и "примитивный" строй в бою, и предельная простота распоряжений, сводившихся к указанию курса – NO²³, имели своей причиной плохую маневренную подготовку русской эскадры и горькие уроки боя в Желтом море. Адмирал не сомневался в том, что ему будет трудно собрать наутро свои рассеянные в ходе торпедных атак корабли, и был совершенно прав, как показывает судьба крейсеров отряда Энkvиста, благополучно "потерявшего" русскую эскадру после боя, правда, тем самым избежав трагической участи остальных русских кораблей.

Любая неоднозначность приказа могла привести к такому же разброду, который постиг 1-ю эскадру после гибели ее командующего Виттефта в бою в Желтом море. Распоряжение следовать за головным кораблем указанным курсом – предельно четкое: его трудно нарушить без веских причин и риска попасть под суд за неисполнение. Действительно, учитывая результаты сражений артурской эскадры, трудно обвинять Рожественского, считавшего беспорядок в командовании более страшным врагом, чем японцев.

Тактика: дневной бой.

Наиболее серьезные разногласия существуют в оценке тактического положения и маневрирования флотов противников в первые минуты Цусимского боя. По мнению одних историков, Того сам поставил себя в безнадёжное положение, причем в результате хитроумного "обмана" Рожественского, которому только оставалось протянуть руку и сорвать плоды победы. Другие же яростно критикуют русского адмирала за ненужные перестроения в критический момент начала сражения. Чтобы вынести верное решение, необходимо руководствоваться фактами.

Развертывание японской эскадры было простым и эффективным. Получив около 5⁰⁰ первое сообщение об обнаружении русской эскадры, уже через два часа, в 7¹⁰ утра, Того вышел в море. К полудню он пересек с запада на восток Корейский пролив и спокойно ожидал неприятеля.

Рожественский, очевидно, пытался перехитрить своего противника за счет нескольких последовательных тактических перестроений. Ночью и рано утром он шел в тесном строю двух кильватерных колонн с вспомогательными судами между ними, а в 9³⁰ перестроил броненосцы в одну колонну. Около полудня русский адмирал сделал второй маневр, приказав 1-му броненосному отряду повернуть "последовательно" вправо на 8 румбов (под прямым углом), а затем – на 8 румбов влево. Возникла путаница: "Александр III" повернул за флагманом "последовательно", а следующий за ним в строю "Бородино" начал поворот "все вдруг". Пока еще не вынесен окончательный вердикт – кто же из них ошибся. Сам Рожественский объяснял впоследствии свой замысел как попытку выстроить четыре наиболее сильных корабля в строй фронта путем поворота "все вдруг". Однако существует немало других объяснений не этому предполагаемому, а реально осуществленному маневру (наиболее полное и изящное обоснование возможной "тактической игры" Рожественского можно найти в статье В. Чистякова). Так или иначе, русская эскадра оказалась в строе двух колонн, выстроенных уступом – правая несколько впереди левой.

Около 13⁴⁰ далеко впереди и справа по курсу открылся японский флот. Интересно, что оба русских перестроения – из двух колонн в одну, затем опять в две – остались Того неизвестны. Плохая видимость и плохая радиосвязь стали причиной того, что последние данные, которые имел японский командующий о русском строе, относились к раннему утру. Так что вполне понятны утверждения наблюдателей с японской стороны, свидетельствующие о построении русских, как о двух параллельных кильватерных колоннах. Именно в таком строю шла эскадра Рожественского ранним утром, и именно в нем ожидалось ее увидеть.

Далеко впереди русской эскадры Того пересек ее курс с востока на запад и пошел контркурсом навстречу левой, слабейшей, русской колонне. Существует мнение о том, что он хотел атаковать ее, быстро разгромить, а затем уже заняться главными силами противника – четырьмя новейшими броненосцами. Вряд ли это верно: весь ход Цусимского боя показывает, что японский адмирал сосредотачивал огонь на самых сильных кораблях русских, совершенно справедливо считая, что только они и могут оказать реальное влияние на ход боя, и полагая, что "старики" и так никуда не денутся. Кроме того, атака на встречных курсах никак не могла входить в планы Того. Перед его глазами стоял призрак боя в Желтом море, когда, разойдясь с 1-й Тихоокеанской эскадрой на контркурсах, японцам пришлось в течение четырех часов догонять противника, потеряв почти весь остаток светлого времени суток.

Переход на другой борт может быть объяснен совершенно другой причиной, о которой почему-то забывают исследователи Цусимы. Дело в том, что погодные условия в роковой день 14 мая были плохими: сильный юго-западный ветер (5-7 баллов) развел довольно большую волну. В этих условиях существенным недостатком стала казематная система расположения вспомогательной артиллерии на японских броненосцах и броненосных крейсерах. Стрельба из казематов нижнего яруса, а в них располагалась более половины японских 6-двоймовок, которые, как станет видно из дальнейшего, сыграли очень важную роль, была затруднена. В немногих более плохих условиях, в бою у Коронеля, английские броненосные крейсера "Good Hope" и "Mopmouth", "родные сестры" японских кораблей того же класса, вообще не могли стрелять из орудий нижних казематов. Таким образом, перейдя на западную сторону от русской колонны, Того получил дополнительное тактическое преимущество: теперь русские корабли были вынуждены вести огонь против ветра и волны.

Развертывание сил приблизилось к решающему моменту. Рожественский около 13⁵⁰ скомандовал перестроение – вновь в строй одной кильватерной колонны. Для быстрого выполнения маневра 1-му броненосному отряду не хватило превосходства в скорости и расстояния между ним и 2-м отрядом. Существует множество оценок "качества" последнего изменения строя русских – от полностью погубившего завязку боя до почти четко выполненного. Очевидно только, что в той или иной мере этот маневр помешал выравниванию колонны из 12 броненосных кораблей.

Но и Того в это время занимался, на первый взгляд, очень странными маневренными упражнениями. Десятью минутами позже, в 14⁰², раздельно маневрировавшие, но шедшие один за другим с небольшим разрывом отряды Того и Камимуры, дойдя примерно до траверза головы русской колонны, начали поворот "последовательно" влево почти на обратный курс, находясь менее чем в 50 кабельтовых от русской эскадры. Действительно, этот маневр выглядит очень рискованным. Однако Того мог ориентироваться на все тот же опыт боя в Желтом море, полагая, что русские орудия вряд ли смогут нанести его броненосцам существенный ущерб за те 15 минут, которые требовались ему для того, чтобы последний крейсер Камимуры лег на новый курс. Зато удачное выполнение такого маневра сулило немало тактических преимуществ. Японцы выходили в голову русской эскадры, охватывая ее справа. Их преимущества в расположении по отношению к ветру и волне сохранялись. Такая ситуация могла расцениваться как близкая к идеальной и безусловно стоила риска.

Рожественский тем не менее получил небольшое и кратковременное преимущество. Большинство критикующих его действия дружно полагает, что 1-й броненосный отряд должен был "броситься на противника". Но, в сущности, выходя в голову 2-му отряду, русский командующий именно это и сделал. Довольно смело звучит выражение "броситься" для кораблей, имевших в это время скорость не более 12 узлов! Для того, чтобы увеличить ход, требовалось время, сравнимое со временем японского маневра. При попытках самостоятельного маневрирования русские броненосцы могли окончательно потерять строй. Рожественский должен был как огня бояться повторения неразберихи, постигшей 1-ю эскадру в решающий момент боя в Желтом море, и предпочел сделать куда более логичный шаг, пытаясь реализовать свое мимолетное преимущество: открыл огонь в кильватерной колонне.

Первый выстрел был сделан с "Суворова" в 14⁰⁸ по местному времени. Дальнейшие события боя удобно отсчитывать от этого момента, приняв его за "начальную точку". Через две минуты после начала боя открыли огонь японцы. К этому моменту на новый курс легли только "Микаса" и "Сикисима". Некоторые из концевых японских кораблей открыли огонь еще до точки поворота – сказалось общее нервное напряжение начала генерального сражения.

Часто указывается, что в этот момент Того находился чуть ли не в безвыходном положении, поскольку его корабли, вращая "последовательно", проходили одну и ту же точку поворота, по которой легко было пристреляться. Это грубая ошибка, так как никакой системы центральной наводки не было в то время даже в пределах одного корабля. По данным дальнометров получали примерную дистанцию, а затем едва ли не каждое орудие или башня пристреливалась индивидуально, следя за падением своих снарядов относительно обстреливаемого корабля. Стрелять же по "мнимой" точке поворота в открытом море было даже более затруднительно, чем по реальной цели. Единственной "ущербностью" положения кораблей Того в этот момент было то, что достаточно точно могли стрелять только те из них, кто уже повернул и лег на устойчивый курс.

Начальному этапу боя не зря уделено столько места: именно в первые минуты и русские, и японские корабли получили большое количество попаданий. Кроме того, в это время была практически решена участь флагманов 1-го и 2-го броненосных отрядов 2-й Тихоокеанской эскадры – "Суворова" и "Осляби". Уже через 10 минут после открытия огня "Ослябя" получил первые значительные повреждения, а через 40 минут на нем был сильный пожар. Примерно в это же время был тяжело ранен Рожественский, а через 50 минут после начала боя "Суворов" покинул строй. Через час после первого выстрела "Ослябя" пошел ко дну, и стало ясно, что русской эскадре уже никакими силами не удастся выиграть это сражение.

События разворачивались по следующей схеме: под японским огнем русская эскадра все более и более склонялась вправо, совершенно естественно пытаясь выйти из того положения охвата головы, в котором она оказалась. Но значительное, практически полоторное превосходство в скорости японцев позволяло, двигаясь по дуге большого радиуса, сохранять тактическое превосходство, находясь впереди русской колонны. Дальнейший ход битвы состоял из серии попыток русской эскадры скрыться в тумане и дыму. Через 10-30 минут эти усилия парировались кораблями Того и Камимурой, которые, восстановив контакт, немедленно выходили в голову колонны противника. Так, в первый раз эскадры разошлись через час с четвертью после начала боя. Вторая потеря контакта произошла через два с половиной часа после первого выстрела, а третья – еще через час. До наступления темноты – после 7 часов вечера – противники имели едва ли более часа передышки, а артиллерийский огонь велся четыре часа.

Подробно разбирать тактику боя после завершения первого его часа не имеет смысла: маневры русской эскадры были, как правило, осмысленны, но при этом совершенно безнадёжны. Японцы же с завидным упорством "подлаживались" под них, все время сохраняя выгодное тактическое положение охвата головы неприятельской колонны. Обе стороны сделали все, что могли. Только огромное превосходство в скорости позволило Того выполнить свою задачу так, как он ее понимал.

Таким образом, поведение русского командующего в начальной стадии боя безусловно вызывает ряд вопросов, но принимавшиеся им тактические решения ни в коей мере нельзя считать предосудительными. Даже оставшись без управления, 2-я Тихоокеанская эскадра не лишилась "разума": просто из такого положения не существовало реального выхода.

Орудия, снаряды и артиллеристы.

Недостатки тактического положения не мешали русским броненосцам поддерживать непрерывный огонь до самого последнего момента. Поэтому критики несчастной эскадры, расправившись с ее "некомпетентным командующим", обычно переходят к "неэффективности русской артиллерии".

Русскую артиллерию обвиняли в нескольких "грехах": малом весе снаряда, недостаточной скорострельности и т.п. При этом зачастую вместо аргументов выступают эмоции. Попробуем разобраться в технике артиллерии при помощи технических же данных.

Таблица 1. ТТХ русских и японских орудий.

Орудие, калибр	Длина стволы, кал.	Масса снаряда, кг.	Начальная скорость, м/с
Русское, 12"	38.3	331.0	793
Японское, 12"	40.0	386.5	732
Русское, 10"	43.3	225.0	778
Японское, 10"	40.3	227.0	700
Русское, 8"	32.0	87.6	702
Японское, 8"	45.0	113.5	758
Русское, 6"	43.5	41.3	793
Японское, 6"	40.0	45.4	702

Действительно, русские снаряды одного с японскими калибра несколько легче, но эта разница не столь уж велика: для 6-дюймового – 9%, и лишь для 12-дюймового – около 15%. Но разница в весе компенсируется большей начальной скоростью, и кинетическая энергия снарядов русской и японской 12-дюймовок в точности одинакова, а русские 6-дюймовки имеют преимущество по сравнению с японскими примерно на 20%. Более высокая начальная скорость при равной энергии обеспечивала русским снарядам более настильную траекторию стрельбы на всех реальных дистанциях Цусимского боя. Сравнение же 8- и 10-дюймовых пушек не показательно, поскольку на эскадре Рождественского устаревшие пушки 8-дюймового калибра были только на одном корабле – броненосном крейсере "Адмирал Нахимов", а японцы имели только одну 10-дюймовку – на "Касуга".

Скорость стрельбы является одним из самых важных факторов, но не всегда она обусловлена только техническими возможностями. Так, относительно более высокая техническая скорострельность английских орудий японских броненосцев в реальных условиях сражения оказалась вовсе не важной. Наблюдатели с обеих сторон, и русские, и английские, единодушно описывают стрельбу противника как "исключительно частую", в противоположность медленной со своей стороны. Так, Пэкинхэм указывает на беглый огонь русских по сравнению с медленным и тщательным – у японцев. Психологически такие выводы вполне понятны. При том нервном напряжении, которое царит на всех боевых постах, волей-неволей кажется, что между выстрелами со своего корабля проходит вечность, тогда как снаряды противника, каждый из которых несет смерть, может быть, самому наблюдателю, "сыпятся градом". Во всяком случае в русской исторической литературе давно и прочно установилась традиция относить на долю "медленной стрельбы" 2-й Тихоокеанской эскадры значительную часть ее неуспеха. Истина может быть установлена объективным методом – подсчетом расхода боезапаса.

Цифры открывают совершенно неожиданную картину: четыре японских броненосца – основная сила адмирала Того – выпустили всего 446 двенадцатидюймовых снарядов. Это означает, что они делали в среднем по одному выстрелу из орудия за семь минут боя, при технической возможности стрелять как минимум в 7 раз чаще! Ничего удивительного в этом нет: даже при заряджании с помощью механизмов физических возможностей людей просто не хватало для поддержания высокого темпа стрельбы в течение нескольких часов. Кроме того, у японцев были и другие причины, о которых будет сказано позже.

Как же обстояли дела на русской эскадре? Только броненосец "Николай I" отправил по противнику из двух двенадцатидюймовых орудий 94 снаряда – на 20 больше, чем "Сикисима" из четырех! "Орел" расстрелял не менее 150 снарядов. Вряд ли "Александр III" и "Бородин", которые вели огонь до самого конца сражения, выпустили меньше снарядов, чем "Орел", у которого одно из орудий главного калибра вышло из строя в середине схватки. Даже находившиеся в самом конце колонны броненосцы береговой обороны израсходовали более чем по 100 снарядов каждый.

Самый простой и примерный подсчет показывает, что эскадра Рождественского выпустила по противнику свыше ТЫСЯЧИ крупнокалиберных снарядов – ВДВОЕ больше, чем японцы. А ведь кажется очевидным, что исход боя броненосцев решали именно снаряды крупного калибра.

Но ведь могло же быть и так, что все русские снаряды летели в "молоко", а большинство японских поражало цель? Однако объективные данные опровергают и это предположение. Отчеты японских специалистов скрупулезно описывают каждое попадание в свои корабли, с указанием калибра снаряда и нанесенных им повреждений.

Таблица 2. Попадания в японские корабли в Цусимском бою.

Корабль	12"	8"-10"	6"	3"	Итого
"Микаса"	10	–	22	8	40
"Сикисима"	1	1	4	4	10
"Фудзи"	2	–	3	7	12
"Асахи"	–	–	2	4	6
"Касуга"	1	–	1	1	3
"Ниссин"	5	1	2	4	12
"Идзумо"	5	1	3	3	12
"Адзума"	6	1	4	4	15
"Токива"	–	–	1	7	8
"Якумо"	1	–	4	2	7
"Асама"	3	2	5	2	12
"Ивате"	2	3	3	9	17
Итого	36	9	54	55	154

Итог впечатляет: броненосцы и крейсера Того и Камимуря получили не менее 45 тяжелых снарядов (от 8 дюймов и более), помимо полусотни шестидюймовых и такого же количества трехдюймовых. Это соответствует примерно 4% попаданий для русских тяжелых орудий.

Казалось бы, даже столь внушительное количество попаданий бледнеет перед успехом японцев. Ведь по данным Костенко, получившим широкое распространение в русской историографии, только "Орел" был поражен более чем 150 снарядами, из которых 42 были 12-дюймовыми. Но Костенко, бывший во времена Цусимы молодым корабельным инженером, не имел к тому же возможности точно исследовать все повреждения корабля за те немногие часы утра 28 мая до сдачи корабля. Многие им было записано уже в плену со слов моряков.

У японцев и англичан было гораздо больше и времени, и опыта. "Орел" обследовался ими и "в натуре", непосредственно после боя, и по многочисленным фотографиям. Был даже выпущен специальный альбом, посвященный повреждениям русского броненосца. Данные иностранных специалистов несколько расходятся, но даже приведенное в японской официальной истории войны на море количество попаданий много меньше, чем у Костенко.

Таблица 3. Версии о количестве попаданий
в броненосец "Орел" в Цусимском бою.

Автор	12"	8"-10"	6"	3"	Итого
Костенко	42	?	~ 100	?	> 150
Японцы	12	7	20	~ 20	~ 60
Пэкинхэм	5	11	39	21	76
Ферран	3	?	30	?	> 40

Данные экспертов косвенно подтверждаются и историческим опытом. В состоявшемся в 1898 году бою испанской и американской эскадр у берегов Кубы, в котором испанская эскадра была наголову разбита, из 300 крупнокалиберных снарядов, выпущенных броненосцами США, цель нашли только 14 (4.5% попаданий). Американские корабли в артиллерии и организации стрельбы мало чем отличались от броненосцев русско-японской войны. Похожими были и дистанции, на которых происходило сражение – 15-25 кабельтовых. Крупнейшие сражения 1-й мировой войны происходили на больших дистанциях, но и управление огнем значительно улучшилось. Ни в одном из них количество попавших снарядов не превысило 5%. Но даже если считать, что японцы совершили чудо и добились в Цусиме целых 10% попаданий, то это дает примерно такое же число поразивших цель японских тяжелых снарядов, как и у русских – около 45.

Остается предположение о неэффективности русских боеприпасов. Главным доводом всегда было относительно малое содержание в них взрывчатки (1.5% от общего веса), ее качество (высокая влажность) и слишком тугой взрыватель. На этом фоне вроде бы очень выгодно выглядели японские, а на деле английские, тонкостенные футасные и "полубронебойные" снаряды с начинкой из сильнодействующей "шимозы". Но за все надо платить. Чтобы бронебойный снаряд был эффективным, он должен быть прочным, следовательно – толстостенным, и столь же естественно он не может иметь большой заряд. Настоящие бронебойные снаряды морской артиллерии практически всех стран и во все времена содержали примерно 1-2% взрывчатки и имели малочувствительный взрыватель с большим замедлением. Он необходим, иначе взрыв будет происходить еще до полного пробития брони.

Именно так вели себя японские "чемоданы", взрываясь при ударе о любое препятствие. Недаром они НИ РАЗУ не пробили сколь-нибудь толстой брони русских кораблей. Не случаен и выбор пикриновой кислоты ("шимоза"), которая в те времена просто не годилась для снаряжения бронебойных снарядов. Русские же снаряды пробивали довольно толстую броню: японцы насчитали после боя шесть пробоин в 15-сантиметровых плитах. Причем как раз после пробития столь толстой брони происходил взрыв, зачастую наносивший немалые повреждения.

Подтверждением служит одно из попаданий, которое могло если не изменить судьбу битвы, то хотя бы скрасить поражение русского флота.

Около 15 часов по местному времени, спустя всего 50 минут после первого выстрела, русский бронебойный снаряд пробил 6-дюймовую лобовую плиту кормовой башни главного калибра броненосца "Фудзи" и взорвался над казенной частью орудия. Силой взрыва выбросило за борт тяжелую броневую плиту, прикрывавшую заднюю часть башни. Все находившиеся в ней были убиты или ранены. Но главное – раскаленные осколки воспламенили пороховые заряды. Одновременно вспыхнуло свыше 100 килограммов пороховых "макарон". Огненные брызги полетели во все стороны. Еще секунда – и кэптэн Пэкинхэм смог бы наблюдать с борта "Асахи" жуткую картину, свидетелем которой он все-таки стал через 11 лет в Ютландском бою, уже в чине адмирала, находясь на мостике линейного крейсера "New Zealand". Столб густого черного дыма высотой в сотни метров, гулкий глухой удар и – летящие в воздух обломки: все, что оставалось от корабля при детонации боезапаса. Английский нитроцеллюлозный порох, кордит, был очень склонен к взрыву при быстром сгорании. Такая судьба постигла в Ютланде три британских линейных крейсера. Понятно, что и "Фудзи" был на волосок от гибели – японцы применяли все тот же кордит. Но кораблю Того повезло: один из осколков перебил гидравлическую магистраль, и хлынувшая под большим давлением вода погасила опасный пожар.

Сказалась в Цусимском бою и другая "особенность" японских снарядов. Очень чувствительный взрыватель в совокупности с легко детонирующей "начинкой" привели к тому, что артиллерия эскадры Того больше пострадала от собственных снарядов, чем от огня противника. Японские "чемоданы" неоднократно взрывались в стволах орудий. Так, только на флагманском броненосце "Микаса" по меньшей мере два двенадцатидюймовых снаряда сдетонировали в канале ствола правого орудия носовой башни. Если в первый раз все обошлось, и огонь был продолжен, то около 6 часов вечера, на 28-м выстреле, орудие практически разорвало. При взрыве сместилась передняя плита крыши башни и на 40 минут вышло из строя соседнее орудие. Аналогичный случай произошел и на "Сикисиме": на 11-м выстреле собственный снаряд разнес дульную часть также правого орудия носовой башни. Последствия были столь же серьезны: орудие полностью вышло из строя, соседнее было вынуждено прекратить на время стрельбу, пострадала и крыша башни. Еще больший эффект имели взрывы в стволах 8-дюймовых орудий броненосного крейсера "Ниссин". Японцы после боя утверждали, что русские снаряды "срезали" стволы трех из четырех орудий главного калибра этого корабля. Вероятность такого события ничтожна. И действительно, английские офицеры, обследовавшие повреждения "Ниссина", обнаружили, что это все тот же результат действия японских взрывателей.

Этот перечень можно было бы продолжить. Несомненно, что именно преждевременные разрывы с выходом из строя орудий были одной из причин того относительно небольшого количества снарядов крупного калибра, которое смогли выпустить корабли Того. Известно также, что английские "учителя" японцев вскоре после Цусимы исключили из боезапаса своих крупнокалиберных орудий снаряды с зарядом пикриновой кислоты, вернувшись даже не к пироксилину, а к столь маломощному, но одновременно и устойчивому взрывчатому веществу, как черный порох.

Сравнение потерь сторон.

Доводы в пользу тех или иных характеристик артиллерийской техники русского и японского флотов можно было бы продолжать и дальше, однако хотелось бы иметь для оценки результата артиллерийского боя более четкие количественные характеристики.

Наиболее объективным критерием ущерба, нанесенного орудийным огнем кораблям примерно одного класса, является количество выведенных из строя людей. Этот показатель как бы суммирует многочисленные противоречивые и зачастую трудно оцениваемые по отдельности элементы боевой мощи, такие как меткость стрельбы, качество снарядов и надежность бронирования. Конечно, отдельные попадания могут быть более или менее удачны, но при значительном их числе вступает в права закон больших чисел. Особенно характерна подобная оценка для кораблей, на которых большая часть команды защищена броней, и потери в людях свидетельствуют, таким образом, только о "действительных" попаданиях.

Следует заметить, что такая система оценки эффективности действия артиллерии несколько смещена в пользу снарядов с высоким фугасным действием, дающим большое количество мелких осколков, достаточных для того, чтобы ранить или даже убить человека, но неспособных сколь-нибудь серьезно повредить сам корабль и тем самым нанести ущерб его боевой мощи. Так что полученный итог ни в коем случае не может быть выгоден для русского флота, таких снарядов не имевшего.

Каковы же потери в людях от действия артиллерии в Цусимском бою? У японцев они известны с точностью до одного человека: 699 или 700 человек, в том числе 90 убитых во время боя, 27 умерших от ран, 181 тяжело и 401 – относительно легко раненых. Интересно распределение потерь по отрядам и отдельным кораблям.

Таблица 4. Потери японской эскадры в Цусимском бою.

Корабль или отряд	Убито	Ранено
"Микаса"	8	105
"Сикисима"	13	22
"Фудзи"	8	22
"Асахи"	8	23
"Касуга"	7	20
"Ниссин"	5	90
Итого, отряд Того	49	282
"Идзумо"	3	27
"Адзума"	10	30
"Токива"	1	14
"Якумо"	3	9
"Асама"	3	13
"Ивате"	—	15
Итого, отряд Камимур	20	108
Легкие крейсера	15	67
Итого	84	457

Данные по потерям на миноносцах не совсем полны: достоверно известно, что на них было убито не менее 17 и ранено 73 человека. Итог по отдельным кораблям и отрядам дает несколько отличный от общих потерь результат, но расхождения не слишком значительны и вполне объяснимы: часть умерших от ран на отдельных кораблях могла быть занесена в списки погибших, нет данных по нескольким пострадавшим в ночном бою миноносцам и т.п. Важнее общие закономерности. Соотношение числа убитых и раненых на хорошо бронированных кораблях отрядов Того и Камимур составляет от 1:6 до 1:5, на менее защищенных легких крейсерах и миноносцах это соотношение возрастает до 1:4 – 1:3.

Насколько же значительны потери японцев в Цусиме? Весьма показательным является сравнение с числом пострадавших на русских кораблях в бою в Желтом море, для которого имеются полные данные. На 6 русских броненосцах было убито 47 и ранено 294 человека – почти в точности столько же, сколько на одном отряде Того! Сильно пострадавшие русские крейсера "Аскольд", "Паллада", "Диана" и "Новик" потеряли 111 человек, в том числе 29 убитыми.

Из этого сравнения можно сделать несколько интересных выводов. Во-первых, японские потери в Цусиме можно оценить как весьма серьезные. Только на главных силах Объединенного флота вышло из строя около 500 человек – почти столько же, сколько потеряли оба флота в Желтом море. Видно также, что в Корейском проливе огонь русских кораблей распределялся более равномерно, чем годом ранее под Порт-Артуром, когда из японских кораблей сильно пострадал только флагманский броненосец "Микаса" – 24 убитых и 114 выбывших из строя. Видимо, несмотря на строгий приказ Рождественского о стрельбе по головному кораблю противника, невыгодное тактическое положение русской эскадры заставляло отдельные корабли переносить огонь на другие цели. Впрочем, наиболее сильно пострадали два корабля Того – флагманы его отряда "Микаса" и "Ниссин", которые при поворотах "все вдруг" становились несколько раз головными (соответственно 113 и 95 пострадавших). Вообще, в боях и с 1-й, и со 2-й Тихоокеанскими эскадрами наиболее сильно поврежденным кораблем из оставшихся на плаву в обоих флотах был именно японский "Микаса".

Наибольшая тяжесть сражения пришлось, как и следовало ожидать, на долю главных сил. Отряд броненосных крейсеров Камимур пострадал значительно менее других кораблей Того. Зная об относительной слабости бронирования своих крейсеров, Камимура старался по возможности уклоняться от огня русских броненосцев. Вообще роль этого "летучего отряда" в битве при Цусиме обычно сильно преувеличивается.

Гораздо труднее определить потери русской эскадры. Броненосцы "Суворов", "Александр III", "Бородино" и "Наварин" погибли очень быстро, унося на дно Корейского пролива практически всю команду. Невозможно документально установить сколько людей на борту было до этого выведено из строя вражескими снарядами. Не вполне ясен также вопрос с потерями броненосца "Ослябя". Среди спасенных с него числятся 68 раненых. Трудно сказать, занижена ли эта цифра за счет тех пострадавших, которые были ранены в начале боя и погибли вместе с броненосцем, или же, наоборот, завышена – за счет пострадавших уже после его гибели, в воде или после их спасения на "Донском" и "Быстром". По остальным русским кораблям есть подробные данные о потерях в дневном бою 14 мая.

Таблица 5. Потери русской эскадры в Цусимском бою
(дневной бой 14 мая, известные потери от артиллерии).

Корабль или отряд	Убито	Ранено
"Орел"	25	98
"Сисой"	13	53
"Николай I"	5	35
"Апраксин"	1	16
"Сенявин"	–	3
"Ушаков"	2	5
"Нахимов"	22	54
Итого, броненосцы	68	264
"Олег"	7	49
"Аврора"	10	89
"Донской"	–	4
"Мономах"	1	16
"Жемчуг"	9	34
"Изумруд"	–	6
"Светлана"	2	2
"Алмаз"	1	18
Итого, крейсера	30	218
Итого	98	482

На миноносцах было 9 убитых и 38 раненых. На следующий день в одиночных боях со значительно превосходящими силами противника "Адмирал Ушаков", "Светлана", "Быстрый", "Дмитрий Донской", "Буйный", "Грозный" и "Громкий" потеряли еще 62 человека убитыми и 171 ранеными, но вряд ли справедливо включать эти потери в итоги артиллерийского боя. Это уже был не бой, а просто расстрел.

Остается самое трудное – оценить потери броненосцев, погибших до утра 15 мая. "Наварин" был поврежден в дневном бою не слишком сильно и вряд ли имел больше потерь, чем шедшие рядом с ним в строю "Сисой Великий" (66 человек) или "Император Николай I" (40 человек). Находившиеся ближе к голове колонны, чем "Орел", однотипные с ним "Бородино" и "Император Александр III" могли пострадать от японского огня несколько более него, но если вспомнить о возможном общем числе попаданий в русские корабли, то едва ли они получили намного больше снарядов.

Несомненно, сильнее всех пострадал флагман Рождественского "Суворов". В самом начале боя он находился под сосредоточенным огнем большого числа броненосцев, а затем на протяжении всех пяти часов дневного сражения, уже находясь вне строя русской эскадры, неоднократно служил мишенью для различных японских отрядов. Многогосрадажный флагман Рождественского недаром служит в морской исторической литературе символом устойчивости корабля в бою. Ясно, что потери на нем должны быть очень большими. Однако до самой последней торпедной атаки "Суворов" управлялся и даже пытался вести огонь. По опыту русско-японской и первой мировой войн, корабль, находящийся после артиллерийского боя "при последнем издыхании" и

готовый вот-вот затонуть, терял к этому моменту не более трети команды. Из этой оценки и следует исходить при определении возможных потерь на "Суворове".

Положив потери на "Александре III" и "Бородино" в 1.5 раза, а на "Суворове" – в 3 раза больше, чем на "Орле", можно считать, что они ни в коей мере не могут быть преуменьшенными. В таком случае флагман русской эскадры должен был потерять убитыми и ранеными 370 человек, или около 40% всей команды. "Ослябя" хотя и находился под сосредоточенным огнем пяти или шести кораблей, но очень непродолжительное время, и его потери не могли значительно превысить потери на "Орле", который обстреливался японцами в течение пяти часов. Подводя итог, получим общую приблизительную величину потерь русской эскадры от артогня.

По отрядам потери, действительные и предполагаемые, распределяются следующим образом: 1-й броненосный отряд – примерно 1000 человек, 2-й отряд – около 350, 3-й – 67, крейсера – 248, миноносцы – 37 человек. С большой степенью достоверности можно утверждать, что итоговый результат лежит между 1500 и 2000 вышедших из строя матросов и офицеров, что в 2-3 раза больше потерь японцев.

Анализ и выводы.

Сравнение потерь сторон позволяет количественно оценить все видимые и невидимые преимущества японцев. Они оказываются не столь уж значительными. Поскольку артиллерийский бой кораблей является типичным примером системы с отрицательной обратной связью, что обычно выражается своеобразной формулой – "артиллерийский бой питает сам себя", то потери каждого из противников пропорциональны остаточной боевой мощи другого – для нанесения одним из противников другому вдвое больших потерь не требуется двойного превосходства. Простой расчет показывает, что если считать японский флот до боя сильнее на 20%, что, очевидно, вполне резонно, то все остальные факторы боя: тактическое маневрирование, успешность стрельбы, качество снарядов и защиты и т.д. – дают коэффициент превосходства – 1.5-1.7 в пользу японцев. Это совсем немного, учитывая практически непрерывное положение охвата головы русской колонны и быстрый выход из строя "Осляби" и "Суворова". Такой расчет если и содержит некоторые неточности, то во всяком случае всегда не в пользу русского оружия, что создает всем рассуждениям определенный "запас прочности". Вполне вероятно, что картина может выглядеть заметно лучше для эскадры Рождественского. По крайней мере, по итогам анализа потерь в артиллерийском бою нельзя считать японских комендоров и японские снаряды сильно превосходящими русские. После такого вывода возникает вполне резонный вопрос: откуда же столь полный разгром, и почему результаты Цусимы столь разительно отличаются от результатов боя в Желтом море?

Здесь следует напомнить о некоторых особенностях морских сражений. Любое сражение имеет свою "точку поворота", до которой один из противников хотя и несет большие по сравнению с другим потери, но все еще имеет определенную способность к сопротивлению. Затем "потенциально побежденный" либо отступает, сохраняя свои расстроенные силы для следующей борьбы, либо терпит полное поражение, причем чем больше он подвергается воздействию противника, тем большие потери несет – причиняя при этом своему врагу все меньше ущерба. Такая особенность любого процесса, в частности боевого столкновения, называется "отрицательной обратной связью".

Заметно действие этого общего закона и на море: до определенного момента более пострадавший из противников сохраняет свои корабли на плаву, пусть даже и в поврежденном состоянии. Именно таковым был бой 1-й Тихоокеанской эскадры в Желтом море. По традиции считается, что артурская эскадра, хорошо сплывавшая и имевшая лучшую подготовку, чуть ли не добилась в этом бою победы. На самом деле русские выпустили по врагу меньше снарядов – около 550 калибра 10 и 12 дюймов против 600 японских 12-дюймовых, достигнув гораздо меньшего числа попаданий. Хотя самым поврежденным кораблем обеих эскадр оказался флагман Того "Микаса", зато остальные японские броненосцы, как и крейсера, понесли очень небольшой урон, тогда как русские были "равномерно" и сильно побиты. "Цесаревич", "Ретвизан", "Пересвет", "Победа" и "Полтава" получили более чем по 20 попаданий, вид "Аскольда", потерявшего 59 человек, мало отличался от вида русских крейсеров после Цусимы.

Существует версия, что Того вот-вот готов был сам прекратить бой. Даже если подобная мысль и приходила ему в голову, то существует масса вполне разумных соображений в пользу такого решения. Ничто не говорит о том, что он собирался таким образом закончить все сражение. Того действительно должен был беречь свои корабли: Япония бросила "в дело" все свои силы, тогда как русский флот мог, по крайней мере теоретически, получить значительное подкрепление. Впереди была ночь. Японские миноносцы уже заняли свои позиции между русской эскадрой и Владивостоком – положение, которое и не позволило им эффективно атаковать возвращающиеся в Порт-Артур русские корабли. Другое дело, если бы артурской эскадре пришлось "продираться" через эту завесу на встречных курсах. У Того оставалось и преимущество в ходе. Скорее всего, утром он предстал перед русской эскадрой в полной боеготовности, как это и случилось 15 мая 1905 года!

Но... всего этого не произошло. "Критическая точка" пройдена не была. Отвернув от противника, русские, успешно отбив на отходе торпедные атаки, вернулись в Порт-Артур и разбрелись по нейтральным портам. Повреждения частично были исправлены уже в ночь после боя. Во всяком случае бодрое предположение о том, что броненосцы 1-й эскадры были готовы на следующий день идти в бой, если и не вполне справедливо, то и не столь уж далеко от истины.

Совсем по-другому выглядит сражение Того и Рождественского. В первые же минуты боя противники нанесли друг другу тяжелые повреждения. Но особенно неудачной завязка боя оказалась для русских: броненосец "Ослябя" получил повреждения, которые вызвали его скорую гибель, а флагманский "Суворов" потерял управление и покинул строй. Японцы сразу получили значительную фору: их 12 кораблям противостояло уже только 10, четыре из которых – "Нахимов" и броненосцы береговой обороны – были значительно слабее любого японского корабля.

Последующие часы артиллерийского боя наносили все больше поражений кораблям обеих сторон, но ввиду относительной слабости, русская эскадра страдала все сильнее и сильнее. Но даже после пяти часов Цусимского боя положение русских внешне не выглядело трагичным. Не только русские, но и японские корабли были значительно повреждены, так, "Микаса" получил 10 двенадцатидюймовых снарядов – вдвое больше "Орла". По некоторым сообщениям, японский флагман, возможно, даже не был информирован о том, что погиб именно "Ослябя" – это было видно только с концевых кораблей его эскадры, да и то тонувший корабль был принят за крейсер типа "Жемчуг". Вряд ли Того в этот момент доволен результатами сражения: пять часов практически непрерывного огня – и только один потопленный корабль! Спускалась ночь. Еще полчаса, и русский флот получил бы желанную передышку. Часть повреждений удалось бы исправить, и у избитой эскадры появился бы хоть какой-то шанс.

Но наступила "точка поворота". За полчаса, с 7⁰⁰ до 7³⁰ вечера пошли ко дну "Александр" и "Бородино" – два новейших русских броненосца. Первый из них, видимо, просто исчерпал дальнейшую возможность противостоять непрерывному воздействию огня противника. Скорее всего, такая же участь постигла бы и "Орел", если бы бой затянулся еще на полчаса. Судьба "Бородино" обернулась жестокой иронией морского сражения: последним залпом "Фудзи", столь счастливо избежавший гибели несколькими часами ранее, вызвал сильнейший пожар в 152-мм башне русского броненосца, в результате которого, вероятно, произошла детонация зарядов. Во всяком случае, гибель "Бородино" в описании Пэкинхэма очень напоминает мгновенный "уход со сцены" английских линейных крейсеров. Буквально в те же минуты решилась и судьба "Суворова". Лишенный собственной артиллерии и поддержки эскадры, корабль был атакован торпедами и потоплен.

Однако "критическая точка" не возникает сама по себе, она тщательно подготавливается огнем противника. В чем же причины того тяжелого состояния, в котором оказались русские броненосцы на пятом часу боя, если количество попаданий крупнокалиберных снарядов с обеих сторон было приблизительно одинаковым?

Для объяснения вполне достаточно ознакомиться с количеством выпущенных японцами снарядов среднего и малого калибра. 12 кораблей Того и Камимурэ выстрелили по своим целям более 1200 восьмидюймовых, 9500 шестидюймовых и 7500 трехдюймовых снарядов! Даже если предположить, что вероятность попадания из орудий главного калибра превышает аналогичную вероятность для 8- и 6-дюймовок в 1.5-2 раза, это означает, русские корабли приняли удары как минимум ТЫСЯЧИ японских "подарков" весом 113 и 45 килограмм! Несомненно, это и был тот самый путь, который привел их к "точке поворота" Цусимского боя.

Неудивительны и те выводы, которые сделали военно-морские специалисты в отношении орудий среднего калибра, несмотря на казалось бы столь значительный результат, достигнутый с их помощью. Именно способность броненосцев начала века "поглощать" большое количество таких снарядов было одной из причин появления "All-big-gun ships" – дредноутов. "Неблагодарные" англичане посчитали, что та роль, которую сыграла вспомогательная артиллерия в Цусиме, явно мала для достижения максимального эффекта: русские корабли тонули недостаточно быстро. Их более консервативные ученики выразили гораздо большую "признательность" орудиям среднего калибра, так же как и броненосным крейсерам, продолжив постройку кораблей с подобным вооружением еще в течение нескольких лет после боя в Корейском проливе.

Вернемся к Цусиме: итог сражения был предрешен, но Того не успокаивался. Он не хотел повторить ошибку, сделанную им годом раньше в Желтом море. Непрерывные атаки многочисленных японских миноносцев продолжались всю ночь. И здесь действия японцев нельзя признать особо успешными: из 54 выпущенных торпед попало только четыре или пять. Но этого оказалось достаточно – "Наварин" погиб со всей командой, кроме трех человек, а "подранки" "Сисой", "Нахимов" и "Мономах" наутро были застигнуты поодиночке и затоплены экипажами.

Значительное превосходство Того в скорости позволило ему отрезать все пути отступления сохранившему подобие организации отряду Небогатова, к которому присоединился и "Орел". Можно долго спорить о решении последнего русского командующего в этом бою, но очевидно одно: причинить какой-либо ущерб противнику его корабли уже не смогли бы.

Жестокий бой выдержал последний из продолжавших сражаться русских кораблей – устаревший крейсер "Дмитрий Донской". В сражении с целым отрядом японских крейсеров и миноносцев вечером 15 мая он потерял 80 человек убитыми и ранеными.

Сражение закончилось. Редко в морской истории победителю удавалось столь полно реализовать все свои преимущества, благополучно избежав возможного ответа.

Литература.

1. "Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском Главном Штабе.", т. 3, "Морское сражение в Желтом море", Петроград, 1915
2. Указ. соч., т. 7, "Цусимская операция", Петроград, 1917
3. "Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя", Петроград, 1917
4. "Отчет по делу о сдаче 15 мая 1905 года кораблей отряда бывшего адмирала Небогатова, СПб, 1907
5. В.И. Семенов, "Расплата", ч. 2, "Сражение при Цусиме", СПб, 1909
6. "Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мэйдзи", т. 4, "Действия против 2-й Тихоокеанской эскадры", СПб, 1910
7. N.J.M. Campbell, "The Battle of Tsu-Shima", "Warship", N5-8, 1978
8. R. Hough, "The Fleet that Had to Die", London, 1963
9. N.F. Bush, "The Emperor's Sword", New-York, 1962
10. J.N. Westwood, "Witnesses of Tsushima", Tokyo, 1970
11. "Admiral Togo: A Memoir", Tokyo, 1934
12. E. Falk, "Togo and the Rise of Japanese Sea Power", New-York, 1936
13. Г. Лаур, "Цусима", СПб, 1911
14. G. Blond, "Admiral Togo", New-York, 1960

15. F.T. Jane, "The Imperial Japanese Navy", Calcutta, 1904

16. H. Jentschura, D. Jung, P. Mickel, "Warships of Imperial Japanese Navy 1869-1945", London, 1982